

УДК 323 (941): 338 (941) (042.3)
ББК 66.3 (24) + 65.01 (24)
К 126

Редактор: Александр Искандарян
Редакколлегия: Нина Искандарян, Сергей Минасян, Арташес Хачатрян
Дизайн обложки: студия «Матит» / www.matit.am
Верстка: студия «Коллаж» / www.collage.am

КАВКАЗ-2010. Ежегодник Института Кавказа / Ред. А.Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 172 с.

К 126 *Восьмой выпуск Ежегодника Института Кавказа посвящен итогам 2010 г. в регионе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2011 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2010 г.; в них отражена общая динамика и проведен сравнительный анализ политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности и ее увязка с глобальными развитиями, показаны перспективы урегулирования конфликтов.*

Edited by Alexander Iskandaryan
Copy editing by Nina Iskandaryan, Sergey Minasyan, Artashes Khachatryan
Cover design by Matit / www.matit.am
Text layout by Collage / www.collage.am

Caucasus 2010. CI Yearbook / Ed. A. Iskandaryan. – Yerevan, Caucasus Institute, 2012. – 172 p.

The eighth CI Caucasus Yearbook sums up the year 2010 in the region. It is based on presentations made by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the U.S. at the CI Yearly Caucasus Conference in May 2011. The papers included in this volume describe main political, social and economic trends in the South and Northern Caucasus, propose their comparative analysis, look into regional security including its global aspects, and analyze conflict resolution prospects.

УДК 323 (941): 338 (941) (042.3)
ББК 66.3 (24) + 65.01 (24)

ISBN 978 – 9941 – 2 667 – 5

© Институт Кавказа, 2012 г.
© 2012 by Caucasus Institute

Мнения, выраженные в настоящей публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения Института Кавказа или каких-либо иных организаций, в том числе спонсоров проекта и организаций, в которых работают или с которыми сотрудничают авторы. В статьях сохранено авторское написание имен и названий.

Any opinions expressed in this volume are those of the authors and do not necessarily reflect the views of the Caucasus Institute or any other organization, including project sponsors and organizations with which the authors are affiliated. All personal and geographical names used in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

Издание опубликовано при содействии Фонда поддержки аналитических центров Института открытого общества.

The publication of this volume was made possible by the support of the Think Tank Fund of Open Society Foundations.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 2010 г.

Андрей Епифанцев

В 2010 г. Северный Кавказ переживал сложные и во многом разнонаправленные процессы. При этом внешняя сторона этих процессов зачастую не соответствовала их внутреннему наполнению. В целом политическая, социальная и экономическая ситуация на Северном Кавказе характеризовалась дальнейшим обострением и все более очевидными проявлениями в этом регионе явно назревшего системного кризиса российской политики и того, что я называю «формулой взаимоотношений Кремля с Кавказом».

В рамках этой формулы и в качестве результата ее действия усилились центробежные тенденции северокавказских республик, влияние России на Северном Кавказе ослабло и стало явно видно оукливание этногосударств в границах северокавказских республик. Причем все это происходило на фоне максимально возможного стремления придать происходящему официально и внешне положительный тон и облик лояльности и подконтрольности со стороны власти.

Наиболее зримыми тенденциями 2010 г. на Северном Кавказе стали:

- активные попытки Кремля выправить ситуацию исключительно экономическими мерами, не меняя основ политической и социальной конструкции;
- изменение вектора и географического «центра» террористической деятельности;
- увеличение радикализации молодежи;
- ну и, конечно же, тот факт, что проблемы СК все ярвее стали выходить на передний план в общероссийском формате и становиться уже не региональными проблемами, а проблемами России в целом,

что отчетливо наблюдалось в конце года на Манежной площади и в ряде российских центральных городов.

Для начала коротко коснемся ситуации в каждом из субъектов Северного Кавказа, описав лишь их главные тенденции и события в политической жизни в 2010 г. и затем перейдя к более широким и обобщенным процессам и тенденциям, присущим региону в целом. Хочу оговориться, в своей статье я намеренно опущу Краснодарский край и Ростовскую область, эти регионы хоть и являются географической частью Кавказа – Краснодарский край совершенно явно, а Ростовскую область зачастую называют Предкавказьем, – но все-таки география у нас, к счастью, далеко не всегда совпадает с политикой, и политические процессы, происходящие в них, имеют другую основу и иной характер, в то время, как Ставропольский край я частично включу как раз по той же самой причине: здесь правила географии ошибки не дают.

АДЫГЕЯ. В 2010 г. жизнь в этом северокавказском адыгском анклаве, расположенном внутри территории Краснодарского края, была довольно спокойной и размеренной, без каких-либо резких поворотов и судьбоносных решений. В политической жизни республики наиболее важным стоит считать тот факт, что в ней окончательно закрепились и расширилась власть клана нынешнего президента Асланчерия Тхакушинова. Можно с уверенностью сказать, что теперь в республике на всех мало-мальски важных постах стоят либо его родственники, либо его одноклассники, друзья, земляки-аульчане, бывшие сослуживцы и иные люди, связанные с ним отношениями личной преданности.

Вот что пишет об этом газета «Версия»: «большую часть ключевых постов в республике занимают ближайшие родственники Асланчерия Китовича. К примеру, брат президента Эдуард Тхакушинов заседает в Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгее. Сын главы региона Мурат работает прокурором Тахтамукайского

района. Племянник Асланчерия Тхакушинова – Мурат Каральбиевич Кумпилов отличился на посту премьер-министра республики. Другой президентский племянник, Тимур Каральбиевич Кумпилов, занимает пост главы конкурсной комиссии министерства финансов. Ещё четыре племянника главы Адыгеи – Мурат Ожев, Исмаил Ожев, Руслан Ляфишев и Мурат Тлинов – занимают соответственно руководящие должности в кабинете министров, муниципальном образовании Яблоновское городское поселение и управлении делами администрации президента республики. Хазэр Чич, зять Асланчерия Китовича, трудится на посту секретаря республиканского Совета безопасности. А родич Газий Чемсо – работает министром культуры»¹. А ведь это только часть родственников, у которых, кстати, есть и свои родственники!

Госсовет Адыгеи полностью подконтролен Тхакушинову и не самостоятелен. Если сегодня президент захочет ввести в его состав коня, как это сделал Калигула, то завтра Госсовет одобрит такое решение единогласно и с благодарностью. В Майкопе сложившуюся форму правления называют феодально-кумовской и печально шутят: «Как бы намекнуть президенту, что в Адыгее есть достойные люди не только из числа его родственников и друзей?». В условиях поддержки президента Адыгеи Москвой и отсутствия реальной демократии внутри Адыгеи, к сожалению, пока возможность подобного намека, видимо, не найдена.

Все это, естественно, сопровождается тем, чем и должны сопровождаться подобные явления – коррумпированность, высокая и беспросветная дотационность (63%), чиновничий беспредел, круговая порука, неподотчетность чиновников закону, зажимание инициативы и любой критики, оторванность власти от народа, тотальная фальсификация результатов выборов, усиливающаяся радикализация молодежи и т.д.

1. Тайков П., «Феодально-кумовской строй», «Версия», 22.03.2010.
http://versia.ru/articles/2010/mar/22/korrupcija_v_adygee

В 2010 г. начались подковерные интриги по поводу кандидатуры следующего президента республики – срок А.К.Тхакушинова истекает в 2011 году. Наиболее вероятными кандидатами на этот пост являются Мурат Кумпилов – племянник президента и Мурат Хапсироков, бывший полпред Адыгеи в Москве.

Политическая жизнь Адыгеи не так интересна и на нее, как правило, обращают мало внимания – маленькая республика, анклав, почти нет громких дел и больших средств и т.д. И очень жаль! Адыгея – представляет собой ярчайший пример расхождения публичной, декларативной и реальной политики Кремля по отношению к Кавказу.

На публике наши лидеры гневно высказываются о вреде, который кавказские кланы вкупе с неизбежными проявлениями клановости наносят государственности России, и говорят о своей решимости бороться с ними. На деле же они опираются именно на эти самые кланы и выстраивают вертикаль государственного управления так, что эти кланы являются одной из ее важнейших и незаменимых механизмов.

Клан Хапсироковых – типичный пример этого. Мурат Хапсироков – сын Назира Хапсирокова – человека с богатой судьбой, имеющего связи на очень высоком уровне, бывшем друге Березовского, бывшем «завхозе» Генеральной Прокуратуры РФ, помощнике руководителя Администрации Президента РФ, по слухам, оказывавшего некие услуги лично В.В.Путину. По широко распространенной информации, Н.Хапсироков активно пользовался своими связями, был настоящим серым кардиналом во многих громких делах, включая нашумевшее дело с видеозаписью генпрокурора Скуратова в сауне с проститутками. Назир Хапсироков имеет обширную собственность и финансовые интересы во всех трех адыгских республиках, и вот теперь его сын имеет все шансы стать президентом Адыгеи.

Это яркий пример того, как федеральные, московские кланы сливаются с кавказскими региональными кланами. Именно они формируют политику по отношению к Кавказу, а значит никакое изменение нынешнего положения там невозможно.

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ–АЛАНИЯ. 2010 г. прошел в Северной Осетии–Алании относительно спокойно. В экономическом плане практически ничего не поменялось. Итоги экономического развития республики в 2010 г. были охарактеризованы премьер-министром РФ Владимиром Путиным как «в целом итоги позитивные, но очень скромные»².

Бездефицитный бюджет, слабые улучшения нескольких показателей – вот все, чем может похвастаться руководство республики. Даже факт бурного роста денежных доходов населения, выдаваемый в республике за огромное достижение ее лидеров, на поверку оказывается полученным по причине того, что изначально средний уровень заработной платы и размер пенсий в РСО–А был одним из самых низких в стране, а в 2010 г. из федерального бюджета удалось выбить его увеличение.

Политическая жизнь республики была ознаменована двумя событиями – это теракт во Владикавказе 9 сентября 2010 г., унесший жизни 19 человек, и скандал, связанный с уходом в отставку муфтия республики Али Евтеева, ставший показателем идущей радикализации республики.

Несмотря на то, что следствие не установило, кто стоял за терактом на рынке во Владикавказе, общественное мнение однозначно возложило ответственность за него на ингушей, с которыми у осетин существует конфликт из-за Пригородного района. После теракта по РСО–А прошли массовые стихийные митинги, на которых жители требовали применить к ингушам ответные меры, провести укрепленную границу между РСО–А и Ингушетией с установлением запрета на ее пересечение для людей ингушской национальности и т.д. Эскалации напряжения удалось избежать, однако очевидно, что контроль обстановки в регионе очень ненадежен и гарантий от

2. «Северная Осетия по Путину. Скромная, но позитивная». Сайт «СКФО-ньюс», 06.02.2011. http://www.skfo.ru/news/2011/02/06/Severnaya_Osetiya_po_Putinu_skrornnaya_no_pozitivnaya

повторения горячей фазы осетино-ингушского конфликта 1992 г. не существует.

Добровольный уход в отставку муфтия Северной Осетии Али Евтеева произошел после опубликования агентством «Регнум» его интервью, данного известной журналистке Яне Амелиной, в котором он оскорбительно отзывался о православной религии, говорил о своем стремлении жить в исламском государстве, заявлял о том, что его учителями были известные северокавказские террористы и что он сам «ездил «на учебку» к Хаттабу»³. Интервью вызвало большой скандал и стало еще одним доказательством того, что процессы исламизации и радикализации не обошли Северную Осетию стороной.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ. В нашем обществе существует определенное заблуждение относительно республики Карачаево-Черкесия. Почему-то считается, что она является тихим и спокойным местом, чуть ли не политическим болотом, где отсутствует всякая борьба и конфликты. Последний раз в этом ключе высказался полпред президента в СКФО – А.Г.Хлопонин: «Нельзя успокаивать себя словами, о том, что сегодня Карачаево-Черкесия – единственный островок стабильности на Северном Кавказе, что нет проблем с бандитизмом и радикализмом»⁴.

Вместе с тем, в 2010 г. республика активно опровергала подобные мифы. Противостояние в ней шло по двум направлениям – межнациональному – карачаевцы против черкесов, и межэлитному – борьба с президентом Борисом Эбзеевым со стороны чиновничьих и черкесских элит.

Межэтническое противостояние явилось результатом наруше-

3. Интервью муфтия Республики Северная Осетия-Алания Али-хаджи Евтеева агентству «Регнум», 02.05.2010. <http://www.regnum.ru/news/1280053.html>

4. «Рашид Темрезов – Президент Карачаево-Черкесской Республики», Официальный сайт КЧР, 01.03.2011. <http://www.kchr.info/events/print:page,1,5239-rashid-temrezov-prezident-karachaevo-cherkesskojj.html>

ния Б.Эбзеевым сложившейся формулы баланса представительства основных этносов во власти. Согласно ему карачаевцы, составляющие более 40% населения республики, традиционно получали пост президента, черкесы – около 10% жителей – премьера, и русские – 35% – декоративную должность вице-президента. Придя к власти в 2008 г., Борис Эбзеев сразу же заявил о своем несогласии с назначением руководства республики по национальному признаку и поставил на пост премьера грека Владимира Кайшева, чем с самого начала резко противопоставил себя местной элите и разбудил черкесский вопрос, пребывавший до этого довольно в спокойном состоянии.

Несмотря на свое просвещенное и демократическое московское прошлое и громкие заявления в прогрессивном ключе, в своей работе Эбзеев во многом руководствовался теми же самыми принципами восточной клановости и фактической этнократии, при которой карачаевские политики и бизнесмены фактически распоряжаются всеми возможными ресурсами в ущерб не только черкесам, но и всем некарачаевцам, практически вытесненным из всех значимых сфер экономической и политической жизни. Может быть, в меньшей степени, но Эбзеев продолжил практику двух предыдущих президентов по передаче всех «хлебных мест» на откуп своим родственникам, друзьям и соплеменникам. Очень точно эту политику описал один адыг в телеинтервью РЕН-ТВ: «Приходит к власти Хубиев – во власти все Хубиевы до последнего человека, приходит к власти Эбзеев – во власти все Эбзеевы, приходит Батдыев – Батдыевы».

Начало 2010 г. в республике было ознаменовано массовыми драками карачаевской и черкесской молодежи, в которых принимало участие до 200 человек, а к середине года черкесский протест вылился в требование разделить Карачаево-Черкесию и сформировать новую черкесскую автономию. Солидарность с адыгами проявили и русские, по крайней мере, о поддержке этого требования неоднократно заявляли представители регионального общественного движения «Русь», представляющего интересы русского населения КЧР.

Тогда межэтнический конфликт удалось погасить, но в условиях того, что основные причины протестного поведения не были ликвидированы, на первый план вышел конфликт межэлитный. В правительстве и парламенте фактически сформировалось противостояние «Почти все против Эбзеева». Начался активный саботаж деятельности президента, откровенный бойкот его инициатив, невыполнение его решений. Сложилась ненормальная ситуация правительственного паралича, которая немногим позже, в феврале 2011 г., привела к отставке Бориса Эбзеева.

Основной вывод, который необходимо вынести из этой ситуации, состоит в том, что невозможно ломать систему, опираясь на эту же систему и работая по ее правилам. Именно эту ошибку допустил Борис Эбзеев в Карачаево-Черкесии, и именно ее избежал Михаил Саакашвили, который ломал систему полностью, а не только в принципах подбора кадров и работы с элитами.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ. Резкий всплеск террористической активности в Кабардино-Балкарии (КБР) стал одной из самых важных и тревожных тенденций 2010 г. Если в предыдущие годы республика за редкими исключениями полностью соответствовала прозвищу «Спящая красавица Кавказа», по слухам, данному ей Шамилем Басаевым, то в 2010 г. она, очевидно, проснулась.

По сравнению с 2009 г., количество терактов, совершенных в республике, увеличилось в 4 раза, а число жертв – почти в 7 раз. Среди самых громких преступлений года значится убийство 18 декабря в лесу в Баксанском районе семи охотников, прибывших из Ставропольского края, убийства известного ученого-этнографа Аслана Ципинова и председателя духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева. Бандиты широко пользовались практикой покушений на сотрудников правоохранительных органов и администраций, обложили данью местных бизнесменов и даже некоторых сотрудников муниципальных органов.

Обострилась межэтническая обстановка, вылившаяся в «кабар-

динизацию» республики, ожесточенные споры о судьбе 131-го закона о межселенных территориях, на исполнении которого настаивают балкарцы, криминальные выходы по этническим мотивам участились и стали приобретать массовый и регулярный характер.

В республике произошли несколько крупных терактов, таких, как взрыв на ипподроме в Нальчике и атака Баксанской ГЭС, ставшая первым терактом, совершенным на крупном техногенном объекте. Ликвидация нескольких видных лидеров бандподполья результата не дала, и на их место тут же пришли другие. Из-за резкого ухудшения обстановки в июне 2010 г. президент КБР Арсен Каноков разрешил ввести в республику дополнительный контингент сил по борьбе с экстремизмом.

Причины подобной ситуации кроются в том, что, как пишет известный политолог-кавказовед Сергей Маркедонов, «на территории одного из северокавказских субъектов РФ слились воедино разные проблемы и кризисные явления»⁵.

В республике была проведена узкоклановая приватизация, от которой большинство жителей ничего не получили. В результате молодежь практически осталась без перспектив на будущее, обострился национальный вопрос, подогреваемый раздуванием элитой темы якобы имевшего в прошлом место геноцида адыгов со стороны России, что приводит адыгов к мысли о «народе-жертве» и о необходимости борьбы. Стали проявляться результаты выдавливания боевиков из соседней Чечни и результаты пропаганды молодых имамов, получивших образование в арабских странах. Все это усугублялось грубыми ошибками силовиков, которые вместо борьбы с представителями радикального и агрессивного ислама стали бороться с исламом вообще.

В результате все это вылилось в широкую радикализацию молодежи, отвергающей существующую власть и традиционный ислам,

5. Маркедонов С., «Спящая красавица Кавказа». «Эхо Кавказа», 27.02.2011.
<http://www.ekhokavkaza.com/content/article/2322557.html>

в ее переход к вооруженной борьбе и к попыткам ликвидации не только чиновников и силовиков, но и общественных и религиозных деятелей, исповедующих чуждую для нее идеологию, а также в массовую вовлеченность бандподполья в экономические вопросы.

Но не только усиление террористической активности представляло проблему само по себе. Очень важно, что это происходило параллельно с улучшением экономической ситуации в республике.

В отличие от соседей, в последние несколько лет и в 2010 г. в том числе, Кабардино-Балкарии удалось действительно улучшить свое экономическое положение. Дотационность бюджета этой республики в 2010 г. составила 54%, что является наилучшим показателем среди всех северокавказских субъектов федерации. По данным, приведенным президентом республики А.Б.Каноквым в интервью агентству Интерфакс, в 2010 г. «объем ВРП составил 74 млрд рублей, что на 3,5% выше уровня прошлого года... прибыль по всем видам деятельности в 1,6 раза превысит показатели 2009 года... удалось увеличить объемы производства продукции агропромышленного комплекса... Реализация инвестиционных проектов, социально-экономические преобразования позволили добиться снижения численности безработных до 12,3 тыс. человек на конец года, что на 41% ниже уровня прошлого года. Средний размер оплаты труда вырос на 8,3%. С 2011 года на 20% вырастет зарплата работников бюджетной сферы... по сравнению с 2009 годом на 43% увеличился средний размер пенсии. Создано около 1500 новых рабочих мест, 2100 безработных стали предпринимателями благодаря введению в строй нескольких десятков социальных объектов, в том числе физкультурно-оздоровительных»⁶.

И хотя подобные достижения нужно всячески приветствовать, тот факт, что улучшение экономического состояния проходит на фоне резкого усиления террористической деятельности, начисто

6. Интервью агентству «Интерфакс-Юг» президента Кабардино-Балкарии А.Б. Каноква, 11.01.2011. <http://www.interfax-russia.ru/South/exclusives.asp?id=202419>

опровергает постулат, лежащий в основе подхода Кремля к проблеме терроризма на Кавказе, будто его причиной является тяжелая экономическая ситуация, в частности, безработица и, следовательно, что все проблемы Кавказа можно решить, накачав регион деньгами и проследив за правильностью их использования.

Кроме этого, взрыв террористической активности наносит сильный удар по идее модернизации Северного Кавказа и претворению в жизнь стратегии развития этого региона, разработанной А.Г.Хлопониним, ибо никакое нормальное развитие и уж точно никакие туристические кластеры невозможны там, где властвуют бандиты, которых региональные власти не могут победить.

То, что проблемы Кабардино-Балкарии очень остры, показывает и резкое ухудшение положения в этом регионе в начале 2011 г. Власти республики пытаются смягчить ситуацию – организовать диалог с непримиримыми, продемонстрировать готовность к компромиссам по 131-му закону, выправить положение с беспределом силовиков и т.д., однако основ проблемы это не затрагивает и, следовательно, причин для коренного улучшения ситуации не наблюдается.

ИНГУШЕТИЯ. В 2010 г. обстановка в этой вайнахской республике улучшилась в политическом и антитеррористическом плане, оставшись прежней в плане экономическом.

В политическом плане можно говорить об активных попытках власти по вовлечению народа, традиционных ингушских социальных институтов в общественную жизнь, об отсутствии резких политических катаклизмов, целому ряду которых мы стали свидетелями в прошлом и т.д. Даже тот факт, что в 2010 г. Республика Ингушетия реже мелькала на экранах ТВ, тоже может говорить об определенной стабилизации.

На мой взгляд, укрепился имидж президента республики Юнус-Бека Евкурова. По сравнению со многими другими северокавказскими лидерами, в глазах народа он воспринимается более положительно и имеет больший вес. На фоне отсутствия реальной борьбы с

коррупцией во многих, если не во всех, северокавказских регионах, Евкуров с ней реально борется. Он не платит дань боевикам, чем, по слухам, занимался его предшественник – М.Зязиков – и пытается искоренить подобные выплаты со стороны чиновников и бизнесменов. Все это приводит к тому, что среди значительной части народа он воспринимается как сильный национальный лидер.

Зримо улучшилась ситуация с противостоянием терроризму. Количество терактов в 2010 г. по сравнению с 2009 г. уменьшилось более чем вдвое – с 86 до 40, причем ни один из них не был крупным и знаковым, в середине года было обезглавлено бандитское подполье – пойман Магас, убит Саид Бурятский. Эксперты отмечают, что, в отличие от Чечни, методы, которые использует Ю.Евкуров, более перспективны – там, где Рамзан Кадыров давит на родственников и действует силовыми, далеко не всегда правовыми методами, Евкуров пытается вести диалог, следовательно, по мнению главного редактора информационного агентства «Кавказский узел» Григория Шведова, подобная практика «является улучшением в долгосрочной перспективе»⁷.

К сожалению, сказать, что такой же прогресс достигнут в республике в области экономики, нельзя. Ингушетия – одна из наиболее дотационных республик России. Удельный вес федеральных дотаций в ее бюджете составляет 90%. Несмотря на то, что в 1990-е гг. в течение нескольких лет существовала свободная экономическая зона «Ингушетия», доходы от которой должны были пойти на строительство экономики республики, результат этого нулевой, а полученные средства исчезли или потрачены.

Проблема Ингушетии в том, что в ней практически нет бюджетобразующих промышленных предприятий. Вся экономика этой республики состоит из небольшой затухающей нефтедобычи, нескольких маленьких производств и экстенсивного, слабо рентабельного

7. «Северный Кавказ: итоги 2010 года», Центр Карнеги, 15.03.2011.
<http://www.carnegie.ru/events/?fa=3246>

сельского хозяйства. Неудивительно, что безработица в Ингушетии составляет 53-55%. Как с этим будет бороться Юнус-Бек Евкуров – мы увидим в ближайшие годы.

ДАГЕСТАН. По мнению некоторых аналитиков, ситуация в Дагестане в 2010 г. ухудшилась. Об этом, в частности, говорили сопредседатель программы Московского Центра Карнеги «Религия, общество и безопасность» Алексей Малашенко и уже упоминавшийся выше Григорий Шведов⁸. На мой взгляд, говорить об этом в абсолютных выражениях нельзя. 2010 г. отмечен в Дагестане как тревожными, негативными тенденциями, так и позитивными. Можно сказать, что он прошел под знаком двух основных процессов – активизации политической жизни, включая усиление противостояния между традиционным исламом и салафизмом, и назначении нового главы Дагестана Магомедсалама Магомедова, включая те изменения политической практики в республике, которые это назначение за собой повлекло.

В постперестроечное время в Дагестане сложилось высококлановое, высокодотационное общество с невероятно острым делением по этническому признаку. Элита Дагестана практически оторвана от народа, а сам народ не имеет ни возможности влиять на политическую или экономическую жизнь республики, ни выразить свой протест легальным способом.

Выход из ситуации народы Дагестана видят в клерикализме. Светская власть не может противопоставить ничего этому видению, и Дагестан стремительно исламизируется. Усиливается конфликт между сторонниками традиционного ислама тарикатистского толка, которые принимают верховенство светской власти и относят религию к частной жизни человека, и фундаменталистами-салафитами, выступающими за безусловное главенство исламских норм во всех

8. «Северный Кавказ: итоги 2010 года», Центр Карнеги, 15.03.2011.
<http://www.carnegie.ru/events/?fa=3246>

сферах общественной и личной жизни. Последних зачастую называют ваххабитами.

Этот конфликт зашел уже очень далеко. Ваххабизм получил в республике широкое распространение и является официальной религией значительного количества жителей Дагестана. Сами исламские проповедники, даже традиционного течения, в значительной степени радикализировались, что проявляется в вещах, которые еще 5-10 лет назад было невозможно представить. На улицах соблюдается довольно строгий мусульманский *дресс-код*, некоторые даже сравнивают Дагестан с Саудовской Аравией. Запрещены гастролы ряда известных российских певцов и артистов, песни и поведение которых на сцене, по мнению верующих, оскорбляет их чувства. Распространены службы знакомств мусульман и мусульманок. Магазины добровольно-принудительно отказываются от продажи алкоголя. Богословы, включая даже некоторых традиционалистов, говорят о недопустимости празднования светских праздников типа Нового года, являющихся «языческими и богопротивными», и высказываются за создание шариатского правительства.

Наиболее радикальным проявлением этого противостояния являются вооруженные выступления против существующей власти, включая проповедников традиционного ислама, воспринимающихся салафитами в роли прислужников этой власти – мунафиков.

В 2010 г. в Дагестане наблюдался рост насилия, по данным А.Малашенко и Г.Шведова там произошло «112 взрывов по сравнению с 69 в 2009 г., увеличилось количество смертников в 6 раз; потери силовых структур составили 159 человек по сравнению с 83 в 2009 г.»⁹. Некоторые из совершенных террористических актов однозначно необходимо отнести к крупным, имевшим большие последствия. Так, одним из подобных преступлений являлся взрыв 29

9. «Северный Кавказ: итоги 2010 года», Центр Карнеги, 15.03.2011.
<http://www.carnegie.ru/events/?fa=3246>

марта 2010 г. в московском метро двух дагестанских женщин-смертниц, в результате чего погибли 40 человек, а 88 были ранены.

В докладе правозащитного движения «Мемориал» говорится о том, что в Дагестане «боевики убивают людей в кафе и барах, жгут магазины, торгующие спиртным, закладывают взрывные устройства на пляжах, похищают охотников и егерей, вымогают деньги у бизнесменов»¹⁰.

Вместе с тем, необходимо отметить, что назначение на пост президента Дагестана 10 февраля 2010 г. Магомедсалама Магомедова (сына первого президента Дагестана Магомедали Магомедова) изменило политическую жизнь в республике и ознаменовалось применением новых подходов к противостоянию различных политических сил. В отличие от всех предшествующих президентов, публично дистанцировавшихся от ислама, Магомедсалам Магомедов открыто позиционирует себя как мусульманина, ходит в мечеть, делает намаз, все это, несомненно, повысило его статус в глазах жителей Дагестана. С его приходом политика государства по отношению к ваххабитам явно диверсифицировалась.

С одной стороны, усилилось давление на «непримиримых», в чем имеется явная заслуга нового главы МВД республики – Абдурашида Магомедова, сменившего своего однофамильца Али Магомедова. Так, по данным портала «Кавказский узел», в 2010 г. в этой республике «произошло 148 спецопераций, ... а также перестрелок между правоохранителями и членами вооруженного подполья. В том числе 22 раза вводился режим контртеррористической операции (КТО)... За 2009 год в Дагестане случились не менее 128 вооруженных столкновений, включая бои силовиков с предполагаемыми боевиками и нападения на сотрудников силовых структур со стороны членов вооруженного подполья. Как минимум 15 раз в различных районах республики локально объявлялся режим контртеррористической

10. Доклад «Новый курс Магомедова? Ситуация с правами человека и попытки консолидации общества в Республике Дагестан», ПЦ «Мемориал», 13.04.2011.
<http://www.memo.ru/2011/04/13/doc.pdf>

операции»¹¹. Одним из успехов дагестанских силовиков стала ликвидация известного лидера дагестанского бандподполья Магомедали Вагабова и четверых его соратников.

По инициативе новых дагестанских властей местные правоохранители резко расширили свои функции и активизировали деятельность. Если в 2009 г. после череды провалов силовиков и после убийства руководителя республиканского МВД Адильгеря Магомедтагирова дагестанскую милицию фактически отстранили от борьбы с экстремистским подпольем, то с приходом новых руководителей основные функции борьбы с бандподпольем вернулись снова к ней. Более того, по примеру соседней Чечни, власти взяли курс на «дагестанизацию» конфликта, при которой с дагестанскими «лесными» должна бороться не федеральная армия, а именно местные военные формирования.

По инициативе нового министра республиканский МВД получил в подчинение ряд силовых структур, таких как махачкалинские ОМОН, ДПС и батальон конвойной службы. Кроме этого, опять же по примеру чеченских батальонов «Юг» и «Север», было создано фактически национальное воинское подразделение, подчиняющееся дагестанским республиканским властям. Им стал созданный осенью 2010 года 450-й отдельный специальный моторизованный батальон в составе 102-й отдельной бригады оперативного назначения Внутренних войск. Личный состав этого подразделения – 600-700 человек – должен состоять исключительно из уроженцев Дагестана, а сам батальон вошел в состав ВВ МВД РФ лишь формально и подчиняется напрямую министру внутренних дел Дагестана.

С другой стороны, новое дагестанское руководство взяло курс на диалог с ваххабитами, на вовлечение их в общественную жизнь и на возвращение людей «из леса» с предоставлением им помощи в социальной адаптации. В 2010 г. прошел III Съезд народов Дагес-

11. «В Дагестане в военных действиях в 2010 году убиты и ранены 685 человек», «Кавказский узел», 13.01.2011. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/179578/>

тана, который некоторые представители общественности назвали главным событием года. На нем была представлена салафитская община Дагестана, а ее лидер Аббас Кебедев сделал первое публичное выступление ваххабитов с официальной трибуны. В ноябре 2010 г. была создана Президентская комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни боевикам, решившим прекратить террористическую деятельность. Ее возглавил Ризван Кубанов – республиканский политик-«тяжеловес», вице-премьер, курирующий силовой блок, членом комиссии стал и Аббас Кебедев.

Подобные изменения в политической жизни Дагестана дают почву для сдержанного оптимизма и порождают надежду на определенные позитивные результаты в будущем. Вместе с тем, некоторые эксперты, как, например, политолог и писатель Игорь Бойков, утверждают, что политика нового президента Дагестана совершенно не затрагивает основных причин, определивших нынешнюю ситуацию – Магомедсалам Магомедов совершенно не борется ни с элитарной, закрытой формой правления республикой, ни с клановостью власти, ни с высокой коррупционностью. В республике, где коррумпированность власти перешла все мыслимые границы, за год не было проведено ни одного крупного процесса против коррупции! Дагестанские власти практически самоустраились от проведения изменений в этих областях.

Следовательно, говорить о принципиальных переменах в ситуации в Дагестане нельзя – почва из-под ног экстремистов не выбивается, и их социальная база, по крайней мере, не уменьшается, а это, по мнению Игоря Бойкова, значит, что все усилия дагестанских властей «не свидетельствуют о коренном переломе, речь может идти лишь об установлении некоторого – большего или меньшего – контроля за ситуацией и о вводе ее в какие-то рамки. Вопрос лишь в том, где эти рамки будут проведены. Скорее всего, увеличится клановость, коррумпированность, а вся ситуация в Дагестане все больше будет напоминать Афганистан в миниатюре».

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА. 2010 г. ознаменовался в Чечне несколькими тенденциями. В полной мере продолжилась практика федеральных властей по предоставлению Чечне особых условий даже по сравнению с иными северокавказскими республиками, в свою очередь находящимися на особом положении сравнительно с другими субъектами федерации. Это относится и к выделению гораздо больших дотаций, чем другим регионам, а по сути – ярко выраженному иждивенчеству Чечни за счет России, и в наделении чеченского лидера Рамзана Кадырова поистине царскими полномочиями, делающими его всевластным человеком у себя в республике, и в отсутствии реагирования на усиливающийся выход республики из российского конституционного поля, и в предоставлении выходцам из Чечни фактического иммунитета перед российскими законами и во многом другом.

В результате этого, за последние несколько лет и в том числе за 2010 г., в Чечне фактически построена модель жесткого исламского государства с единоличным правлением и с интеграцией элементов шариата в структуру государственного управления. Сам Рамзан Кадыров неоднократно публично высказывался о том, что в Чечне «шариат стоит над законами Российской Федерации»¹².

В экономическом плане это государство полностью зависит от России, дотации которой составляют 92% бюджета Чечни, но Москва вынуждена идти на подобные выплаты и в чем-то унижительные условия, т.к. совершенно понятно, что если перестать платить Чечне или если изменить формулу взаимоотношений с ней, то сразу же начнется новая война, и в этом плане обильные трансферты представляют собой ни что иное, как покупку лояльности и спокойствия. Подобная покупка тем более важна для российской элиты, что в ближайшей перспективе ей крайне необходимо провести Олимпиаду, что невозможно сделать при наличии воюющей Чечни.

12. Авриль П. «Чечня: два лица режима Кадырова». «Инопресса», 01.06.2010. <http://inopressa.ru/article/01Jun2010/lefigaro/kadirov1.html>

С другой стороны, с каждым годом становится все более очевидно, что такая формула взаимоотношений неотвратимо ведет к оккупации в Чечне отдельного, независимого от России государства и к тому, что, по мнению некоторых аналитиков, скорее всего, Чечню Россия уже потеряла.

Несмотря на несколько крупных терактов, совершенных в 2010 г. – взрыв у концертного зала в Грозном, нападение на родовое село Рамзана Кадырова – Центорой в августе и атаку здания парламента Чечни, необходимо констатировать, что террористическая деятельность на территории республики пошла на спад. Вместе с тем, некоторые эксперты утверждают, что причины этого заключаются не в том, что Р.Кадыров победил боевиков – в действительности, он их частично инкорпорировал в свои военные подразделения и при определенных условиях они могут опять уйти в лес, а частично выдал в другие республики – преимущественно в Дагестан, Ингушетию и Кабардино-Балкарию, где они продолжили заниматься подрывной деятельностью, что в определенной степени и обусловило там всплеск терроризма.

В течение всего года ситуация в Чечне находилась в центре обсуждения российской общественности и подвергалась жесткой критике. Некоторые из аналитиков обращали внимание на то, что в результате существующей политики в Чечне «мы имеем концентрацию власти в руках политической группы, реализующей свой национально-государственный проект за счет российского бюджета, но не решающий в действительности важнейшую национальную задачу для страны – интеграцию Чечни... издержки от «приватизации республики» Кадыровым и его командой становятся все более высокими, чем приобретенные выгоды»¹³.

Другие шли еще дальше и утверждали, что России необходимо начать думать над тем, чтобы оставить Чечню полностью. В качестве

13. Маркедонов С. «Северный Кавказ-2010. Рост внутриполитической капитализации». «Политком», 28.12.2010. <http://www.politcom.ru/11250.html>

аргументов их позиции, в частности, служило то, что в нынешнем состоянии Чечня выглядит очень привлекательным примером для радикально и антироссийски настроенных элементов в соседних кавказских республиках. Тот факт, что из Чечни изгнали нетитульное население, что Россия полностью отстроила Грозный и регулярно платит большие деньги, воспринимаемые как дань, что чеченцы де-факто живут по своим, а не по российским законам и многое другое, воспринимается ими как абсолютно реальная цель, к которой нужно стремиться им самим, и они согласны с тем, чтобы подобная ситуация «чеченского счастья» была тоже получена в результате войн с Россией.

Очевидно, что федеральная власть не знает, что делать с Чечней, но возвращение к боевым действиям страшит ее больше, чем состояние нынешней альтернативной государственности Чечни и ее внешней лояльности России. В этих условиях формула взаимоотношений с Чечней меняться не будет, размывание российской власти в этом регионе неминуемо будет усиливаться, требования Грозного к Москве возрастут, а метастазы, распространяемые современным чеченским примером – будут все глубже проникать в другие республики Северного Кавказа.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ. Отдельно необходимо сказать об ухудшении ситуации в Ставропольском крае. Причины этого ухудшения лежат в близости края к беспокойным северокавказским республикам и в процессах, которые это вызывает.

В течение нескольких лет экономические проблемы горских республик Северного Кавказа вынуждали определенную часть населения мигрировать в соседние области. Ближайшим более-менее благополучным регионом к ним является Ставрополье. Именно на него пришлось основные волны миграции. Образование Северо-Кавказского федерального округа с центром в Пятигорске только усилило эту тенденцию.

По мнению жителей Ставрополья, массовая миграция предста-

вителей северокавказских республик в их регион приводит к всплеску преступности, переделу собственности, усилению криминализации, бытовым конфликтам и т.д. При этом, власть «подпадает под влияние» к новым внутренним мигрантам и не способна защитить население.

В результате, жители Ставропольского края в массе своей протестуют против включения своего края в состав СКФО и в 2010 г. даже организовали сбор подписей против этого решения; в их среде усиливается русский национализм и в ряде случаев на фоне противостояния организованным группам кавказцев даже проявились ранее невиданные случаи самоорганизации русских.

СКФО. Помимо частных ситуаций, характерных для конкретных регионов, в 2010 г. существовали некоторые тенденции, являющиеся общими для всего Северного Кавказа и в определенном смысле даже выходящими за его географические и политические рамки. Одной из таких тенденций, конечно же, является создание 19 января 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа и назначение его главой в ранге федерального вице-премьера А.Г.Хлопонина.

Решение о создании СКФО и о наделении Александра Хлопонина полномочиями определенного характера является практическим претворением в жизнь очень удобной и модной в российских властных кругах идеи о том, что все проблемы Северного Кавказа, включая терроризм, вызваны тяжелым экономическим положением региона, безработицей, нецелевым расходованием средств и т.д. Если так, то по их логике выходит, что политическая система России, с ее клановостью, коррупционностью, отстраненностью народа от управления страной, безграничной властью чиновничества, искусственно созданной несменяемостью нынешней федеральной элиты, т. е. все, что обеспечивает неприкасаемость и благосостояние власть имущих, нисколько не влияет на кризис на Кавказе и все это можно сохранить в целостности и неизменности. Сам же регион следует немедленно залить деньгами и проконтролировать их целевое использование.

В соответствии с этой моделью, Александр Хлопонин получил мандат на проведение в регионе широкой экономической реформы и, совершенно естественным образом, не получил абсолютно никаких полномочий на изменения в политической, социальной и национальной сферах, в подборе и расстановке кадров, в формуле взаимоотношений с Кавказом, в отношениях с региональными элитами, в идеологической и пропагандистской сферах и т.д.

В результате, в течение года А.Г.Хлопонин и его команда разработали и утвердили в правительстве РФ Экономическую стратегию развития СКФО до 2025 г. и конкретный план мероприятий на 2011-2012 гг. Цель стратегии заключается в придании резкого толчка развитию региона путем построения на его территории нескольких промышленных парков, специализирующихся на лёгкой промышленности, строительной индустрии, нефтехимии, создания туристических кластеров, освоения минерально-сырьевой базы и шельфа Каспийского побережья. Финансирование проекта на 30% должно идти за счет государственных средств, а оставшиеся 70% должны быть предоставлены частным и банковским капиталом под государственные гарантии.

Основная же идея стратегии, на мой взгляд, заключается в уходе от сложившегося кавказского иждивенчества и в предоставлении возможности жителям региона зарабатывать деньги, а не получать их в виде региональных трансшей. Несмотря на некоторые неудачные моменты стратегии, в целом нужно признать, что Александру Хлопонину удалось то, что до него не мог сделать никто другой – создать первую осмысленную стратегию выхода региона из экономического кризиса. Это уже очень много! При всем моем критическом отношении к современной российской власти на Кавказе, стоит признать, что команда А.Хлопонина и он сам работают эффективно, и результат их деятельности виден.

Вместе с тем, необходимо понять, что считать результатом. В 2010 г. результатом деятельности А.Г.Хлопонина стала созданная и принятая Стратегия, в 2011 г. таким результатом планировалось со-

здание инвестиционной базы – сбор денег, который наверняка увенчается успехом, судя по тому, с каким желанием российские власти накачивают регион деньгами, но после этого от руководителей СКФО уже будут требовать реального, осязаемого результата – построенных объектов, созданных рабочих мест, полученной прибыли и т.д. И вот с этим уже, скорее всего, возникнут проблемы.

Основная опасность для хлопонинских реформ заключается в ошибке в формуле создания СКФО и определения сферы его полномочий. Депрессивная экономика не является основной проблемой Кавказа. Более того, в основе наиболее разрушительных процессов на Кавказе лежат не только и не столько экономические мотивы, а сами террористы каких-то особенных экономических требований, за редчайшим исключением, не выдвигают. По мнению известного политолога-кавказоведа Сергея Маркедонова, «основные проблемы Северного Кавказа были и остаются политическими. Здесь и проблемы интеграции в общероссийское правовое и социально-культурное пространство, и рост исламизма, и этнический национализм, и коррупция, сводящая на нет все усилия по привлечению инвесторов. И самое главное – отсутствие внятных правил игры и политических гарантий»¹⁴.

В то же время, как мы знаем, мандата на проведение реформ в политической, социальной или межнациональной сфере новый вице-премьер не получил, никаких реформ в этих сферах, естественно, не проводит и, более того, вынужденно уклоняется от «большой политики». В условиях того, что решение фундаментальных вопросов политического и государственного строительства, от которых напрямую зависит мир, спокойствие и процветание Кавказа, находится вне компетенции Александра Хлопонина, его реформы, на мой взгляд, обречены на провал, чему мы станем свидетелями уже в ближайшие 2-3 года. Пример этого уже проявился в начале 2011 г.

14. Маркедонов С., «Северный Кавказ-2010. Рост внутриполитической капитализации». «Политком», 28.12.2010. <http://www.politcom.ru/11250.html>

в Кабардино-Балкарии, где всплеск террористической активности, вызванной в первую очередь политическими, социальными и клановыми причинами, сделал бессмысленной всю тщательно разработанную программу строительства туристического кластера.

При этом соотнести оценку работе Хлопонина с результативностью его экономических реформ будет методологически неправильно. Причины, по которым программа А.Г.Хлопонина с большой вероятностью потерпит неудачу, будут выше его компетенции и, следовательно, спрашивать с него за неудачу реформ будет нельзя.

ТЕРРОРИЗМ. В 2010 г. террористическая активность на Северном Кавказе, как минимум, не снизилась. Вместе с тем, можно говорить о том, что за этот период усилились тенденции, которые в значительной степени меняют лицо современного кавказского экстремизма.

Так, по мнению правозащитного центра «Мемориал», в 2010 г. силовики потеряли на Кавказе 840 чел., из которых 289 человек были убиты и 551 ранены¹⁵ (См. таблицу 1, стр. 98)¹⁶.

Исходя из аналогичных данных, в 2009 г. потери силовых структур в этом регионе были практически сопоставимы – 835 чел., из которых 273 человека были убиты и 562 человека ранены. Вместе с тем, распределение потерь по различным республикам Северного Кавказа в 2010 году было совершенно иным¹⁷.

Как видим, основное количество столкновений и потерь пришлось на 4 республики – Чечню, Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию, при этом, по сравнению с 2009 г., в Чечне и Ингуше-

15. Доклад «Итоги 2010 г.: статистика потерь силовиков на Северном Кавказе», ПЦ «Мемориал», 17.02.2011. <http://www.memo.ru/2011/02/17/1702111.html>

16. В таблицу не включены Адыгея и Ставропольский край, что не выглядит существенным, т.к. особых террористических атак на территории этих регионов в 2010 г. не было.

17. Доклад «Итоги 2010 г.: статистика потерь силовиков на Северном Кавказе», ПЦ «Мемориал», 17.02.2011. <http://www.memo.ru/2011/02/17/1702111.html>

Таблица 1.

Республика/ месяц	Чечня		Ингушетия		Дагестан		Кабардино- Балкария		Северная Осетия		Карачаево- Черкесия		ВСЕГО	
	Убито	Ранено	Убито	Ранено	Убито	Ранено	Убито	Ранено	Убито	Ранено	Убито	Ранено	Убито	Ранено
Январь	-	10	6	9	10	14	-	-	-	-	-	-	16	33
Февраль	6	8	9	44	13	2	-	-	-	-	-	-	28	54
Март	7	12	-	12	13	24	-	3	-	-	-	-	20	51
Апрель	4	5	8	12	10	24	-	2	-	-	-	-	22	43
Май	3	6	3	18	9	12	3	5	-	-	-	-	18	41
Июнь	3	6	4	7	21	18	3	2	-	-	-	-	31	33
Июль	8	13	3	16	23	14	5	11	-	-	1	-	40	54
Август	9	33	2	4	12	21	6	4	2	3	-	-	31	65
Сентябрь	6	15	3	1	21	68	5	7	-	-	-	-	35	91
Октябрь	5	11	2	6	5	1	3	8	-	-	-	-	15	26
Ноябрь	4	13	-	2	16	24	5	-	-	-	-	-	25	39
Декабрь	-	5	-	1	6	11	2	4	-	-	-	-	8	21
ВСЕГО	55	137	40	132	159	233	32	46	2	3	1	-	289	551

Таблица 2.

	2009		2010	
	Убито	Ранено	Убито	Ранено
Чечня	93	192	55	137
Ингушетия	92	231	40	132
Дагестан	83	119	159	233
Кабардино-Балкария	5	16	33	39

тии террористическая активность пошла на спад, а в Дагестане и Кабардино-Балкарии, наоборот, резко, даже кратно, увеличилась.

Кроме этого, целый ряд экспертов указывает на постепенное расползание опасности вооруженного сопротивления, имеющее в основе преимущественно кавказский фактор, на прежде спокойные Ростовскую область, Краснодарский край, Астрахань, юго-восточную часть Ставропольского края.

Причина изменения «центра тяжести» террористической активности объясняется общей трансформацией модели терроризма с более «привычной» чеченской версии времен обеих чеченских войн в его современный вид. Если чеченский терроризм образца 1995-2000 гг. объяснялся и имел своей целью конкретные политические задачи – вывод войск из Чечни, освобождение из тюрем товарищей бандитов, получение выкупов и т.д., то корни современного терроризма лежат гораздо глубже.

В его основе лежат такие явления как клановость, коррумпированность и закрытость власти, в результате чего складывается огромная поляризация населения – образуются единицы сверхбогатых семей, в то время как целые слои населения теряют возможность построения достойной жизни, оторванность руководства от народа и невозможность для людей выразить свой протест любым путем, кроме вооруженного, идеологический вакуум со стороны государства, протекающий параллельно с активной пропагандой со стороны проповедников агрессивных националистических и религиозных течений, кризис традиционного ислама, деградация систе-

мы образования, приводящая к легкости обольщения населения различными идеями этнического или религиозного превосходства, негативное отношение народа к власти и ее носителям и т.д.

Методы борьбы с терроризмом первого типа были понятны и в значительной степени эффективны – уничтожение террористов, идущее параллельно с переносом основной тяжести борьбы с бандитами на местные подразделения, составленные из их соплеменников, и попытки интегрирования «непримиримых» в нормальную жизнь, том числе в региональную элиту – как гражданскую, так и военную. В течение ряда лет этот метод успешно работал, и в какое-то время стало казаться, что победа над боевиками близка. Ошибка состояла в том, что первоначальное снижение террористической активности, возникшее в некоторых регионах в результате этого процесса, было радостно воспринято за структурный перелом, при этом была упущена северокавказская молодежь. Слабости и уязвимые места российского общества и метода общения с Кавказом, описанные выше, начинают широко вовлекать местную молодежь в стан таких же непримиримых и формировать второй, современный тип терроризма, который в потенциале может иметь гораздо большее распространение и являться более опасным.

С ним нельзя бороться старыми методами – таких террористов сложно убить, т. к. их социальная база гораздо шире, чем это было раньше; их нельзя купить, т. к. деньги и благосостояние не являются для них главной целью – многие из них борются действительно за идею, их сложно вовлечь в нормальную жизнь, т. к. у них уже сложилось стойкое неприятие нашего современного общества, и именно против него они ведут борьбу.

Проблема в том, что любое эффективное противодействие такому типу терроризма должно включать методы, которые будут противоречить сложившейся политической и административной системе – разрушение клановости, создание гражданского общества, уменьшение социального неравенства, обеспечение отчетности и подконтрольности власти перед народом, равный доступ к активам,

честная и прозрачная система выборов, равноправие людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания и т.д.

Использование подобных методов может подрывать социальную базу терроризма, выбить козыри у его идеологов, положить конец радикализации Северного Кавказа, привести к усилению российской государственности в этом регионе и в обозримом будущем покончить с терроризмом, но эти же методы неминуемо приведут к глубоким реформам современной властной структуры и к смене не только региональных, но и федеральных элит. Именно поэтому переход к борьбе с терроризмом подобными методами выглядит крайне маловероятным. Скорее всего, в ближайшем обозримом будущем мы обречены на продолжение противодействия терроризму старым путем и будем стараться изменить все, ничего не меняя.

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ. Еще одной важной тенденцией 2010 г., связанной с Северным Кавказом, стало то, что глубина и запущенность кавказской проблематики стали настолько серьезны, что проблемы Кавказа переросли географические границы своего региона, пришли в остальную Россию и стали в значительной степени определять ее жизнь.

В первую очередь речь идет о стихийном и массовом митинге на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. и о нескольких параллельных акциях, прошедших в других крупных российских городах. Назвать их единичными и появившимися ниоткуда нельзя – в течение всего года страну сотрясали бесконечные скандалы, так или иначе связанные с выходцами с Северного Кавказа, причем, преимущественно из трех республик – Дагестана, Ингушетии и Чечни, появился даже новый термин «ДИЧ», выделяющий именно эти три региона из общего северокавказского массива.

Можно с определенностью сказать, что до 2010 г. российское общество относилось к Северному Кавказу если не с любовью, то довольно индифферентно и не выражало настолько активно и открыто свой протест против проблем, к которым на бытовом уровне

ведет совместное проживание с северокавказскими республиками. Теперь же стало очевидно, что в обществе накопилась значительная усталость от этого и самые разные его слои протестуют против отсутствия национальной политики, особого положения Кавказа в российской табели о рангах и тех последствий, в которые это выливается: иждивенчество северокавказских республик, слияние федеральных кланов с региональными, предоставление кавказским элитам безграничных прав и полномочий и т.д.

В связи с этим в общественной и политической жизни России появился новый, ранее не имевший места фактор – дискуссия о том, надо ли продолжать жить вместе с Кавказом или лучше оттуда добровольно уйти.

ВЫВОДЫ

2010 г. обострил противоречия, основной причиной которых является структурный кризис российской политики на Кавказе и порождающие его причины – пороки российской политической системы, оторванность власти от народа, ее желание любыми силами добиться собственной несменяемости, встроенность региональных кланов в систему нынешней власти и т. д.

Перспектива развития событий на Северном Кавказе довольно пессимистична. С очень большой степенью вероятности можно утверждать, что кардинальных перемен в любую сторону не будет, и ситуация продолжит постепенно, но уверенно деградировать, хотя, скорее всего, это и не выльется в резкий кризис уже в коротком периоде. Внешне все будет выглядеть как сохранение лояльности северокавказских субъектов федеральному центру и сохранение контроля России над регионом, внутри же продолжают развиваться деструктивные процессы, которые усилят центробежные тенденции и будут способствовать ослаблению российской государственности в регионе.

Все это будет сопровождаться сохранением клановости, высокого уровня коррумпированности северокавказских и связанных с ними федеральных чиновников, дотационности регионов, острого социального расслоения, террористической деятельности и других явлений, неминуемо связанных с нынешней политической системой России.